СТАТЬИ

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001
УДК 902:39 + 81’373.2 + 811.511.115 +
+ 811.511.152

В. В. Напольских
Удмуртский государственный университет
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Институт археологии
им. А. Х. Халикова АН РТ
Ижевск — Казань, Россия

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ И ДАННЫЕ «ГЕТИКИ» ИОРДАНА*

Анализ списков народов из «Гетики» Иордана (116 – «Список народов Германариха» в авторской реконструкции, информация восходит к IV в.) и из русской начальной летописи показывает независимость обоих источников и демонстрирует изменения, произошедшие на лингвистической и этнической карте Восточной Европы между IV и X–XI вв. Три первых названия из «Списка народов Германариха» интерпретируются следующим образом. *In Aunxis Vas* – предки вепсов, жившие в юго-восточном Приладожье, говорившие, вероятно, на исчезнувшем южном саамском диалекте. *In Abroncas Merens* – самые северные группы мери, жившие по северной излучине Волги (территория, покрытая сегодня Рыбинским морем). *Mordens in Miscaris* были скорее не прямыми предками мокшан и эрзян, а представляли собой ираноязычную группу зауральского происхождения, которая во II–III вв. н. э. принесла в Среднее Поволжье иранский этноним **mordi* ‘убийцы’. В IV в. эта группа либо еще говорила на иранском языке, либо, будучи уже ассимилированной местным населением, сохраняла по крайней мере это свое имя.

* Статья написана в рамках работ по гранту РНФ 16-18-02007 «Историко-лингвистическое картографирование удмуртского языкового ареала».

© Напольских В. В., 2018

Область *Miscar* можно идентифицировать с русским названием *Мещера*, которое, однако, обозначало не территорию позднейшей Мещерской низменности на левобережье Оки, а район в правобережье Волги, между низовьем Оки и Сурой. В статье также обсуждаются некоторые проблемы субстратной топонимии Верхнего и Среднего Поволжья, включая этимологии названных выше имен.

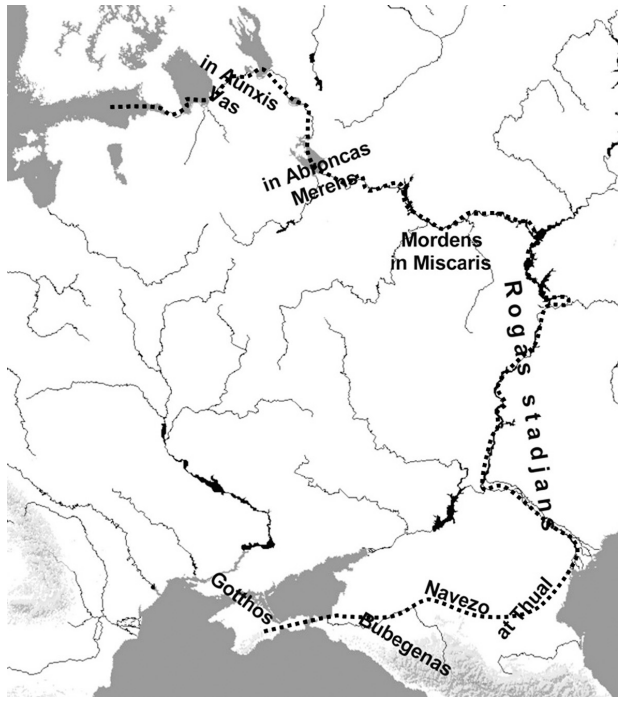
Ключевые слова: этническая история, ономастика, археология, Поволжье, раннее Средневековье, «Гетика» Иордана, вепсы, меря, мари, мурома, Мещера, мордва, мокша, эрзя.

Статья посвящена рассмотрению идеи о мнимом параллелизме первой части известного пассажа из «Гетики» Иордана (116), обозначаемого обычно как «список народов Германариха» (далее — «Список»), и перечисления народов в начальной русской летописи (по схеме «*чудь — весь — пермь — меря — мордва — черемисы*»), которая впервые была высказана в [Thunmann, 1774, *369–370*], затем развита в [Schlözer, 1, *39–40*] и, наконец, окончательно сформулирована в [Schafarik, 1, *294 et passim*], после чего сохраняет популярность у исследователей ранней истории Руси до сих пор. Несмотря на то что списки народов, приносящих дань Руси (*чудь*, *меря*, *весь*, *мурома*, *черемисы*, *мордва*, *пермь*, *печера*, *ямь*, *литва* и т. д.), или народов Иафетовой части («*чудь* и всякие народы: *меря*, *мурома*, *весь*, *мордва*, *заволочская чудь*, *пермь*, *печера*, *ямь*» и т. д.) в летописи на самом деле сильно отличаются и набором, и порядком этнонимов от указанной схемы и, кроме того, уже в XIX в. было ясно, что ни *чуди*, ни *перми*, ни *черемисов* в «Списке» Иордана нет (*Thiudos*, *-broncas* и *Imniscaris* / (испорченное) *Remniscans* «Списка» обоснованно не рассматриваются как параллели к этим этнонимам уже в [Thomsen, 1882, *10–11*; Grienberger, 1895, *157–159*]), эта идея препятствовала правильному пониманию «Списка», создавая, с одной стороны, иллюзию его ученого происхождения, а с другой — представление о том, что этническая карта лесной зоны Восточной Европы была неизменной по крайней мере с IV в. до конца Средневековья — либо что данные начальной русской летописи никак не отражают современную ее составителю ситуацию, а являются всего лишь книжной цитатой из более ранних источников. Все эти точки зрения не имеют под собой никаких оснований, кроме кажущегося при поверхностном рассмотрении сходства «Списка» и летописных данных.

Предварительный анализ «Списка» позволяет реконструировать его как цитату в латинском тексте «Гетики», взятую из источника на готском языке, первоначально, видимо, — ни в коем случае не перечисления якобы подвластных Германариху народов, а поэтического итинерария, типологически сходного со второй («этнической») тулой «Видсида» (идея высказана еще в [Chadwick & Chadwick, 1932, *278*]). Текст цитаты в предлагаемой мной реконструкции: *thiudos: in Aunxis Vas, in Abroncas Merens, Mordens in Miscaris, Rogas stadjans at Thual, Nauezo, Bubegenas, Gotthos* «народы: в *Аунксах — вас*,

в *Абронках — меров*, *мордов* в *Мискарах*, жителей берегов Волги до *туалов*, *навезо*, *бубегеев*, *готов*».

Все этнонимы «Списка» надежно локализуются на пути из Балтики через Ладогу на Волгу, вниз по Волге до устья, по Северному Предкавказью до Крыма (см. карту) и идентифицируются с упоминаемыми в других источниках названиями. Эти результаты докладывались на конференциях (например, в Екатеринбурге в 2012 г. [Напольских, 2012а]) и опубликованы в виде развернутых статей [Напольских, 2012б; Napol'skich, 2016] (см. [Там же] подробное обоснование интерпункции, понимания синтаксиса и перевода).



Реконструкция итинерария, лежащего в основе
«Списка народов Германариха»

Первое слово рассматриваемой цитаты, *thiudos*, во-первых, не связано в тексте с последующим *in Aunxis*, а во-вторых, представляет собой готское слово *þiudos* 'народы' (в форме *Acc. Pl.* — в той же форме стоят затем *Merens* и *Mordens*), вводящее «Список» как перечисление живущих вдоль описываемого в нем пути народов. Его связь с др.-рус. *чудь* и саам. **ćuδē* 'враждебный народ, соседствовавший с саамами на юге в прошлом', таким образом, если и существует, то только в случае признания происхождения древнерусского и саамского этнонимов из готского языка, что крайне маловероятно, поскольку фонетически саам. **ćuδē*

из гот. *þiuda* невыводимо (да и появление др.-рус. *-ь* из готского не объяснить), а признать саамское слово заимствованным из древнерусского мешает его общесаамское (т. е. достаточно старое) происхождение. Таким образом, *чудь* начальной русской летописи в «Списке» отсутствует, как это было ясно его исследователям еще в конце XIX в. [Thomsen, 1882, *10–11*; Grienberger, 1895, *157–159*]. Важно еще иметь в виду, что др.-рус. *чудь*, судя по саамской параллели, ни в коем случае не является книжным словом, а отражает реальный этноним, причем, скорее всего, заимствованный из прибалтийско-финского (ср. его сходство с *сумь*, *русь* и др. — см. ниже).

Таким образом, первым этнонимом «Списка» является *in Aunxis Vas* «в Аунксах — вас», где *Аункс-* = район г. Олонец, Юго-Восточное Приладожье, называемое и сегодня по-фински *Aunus*; в косвенных падежах основа *Aunukse-* — форма, прямо соответствующая готскому топониму. Этноним *Vas* явно связан с названием вепсов. Обычно для объяснения готского (видимо, несклоняемого) слова приводят др.-рус. *весь* (< приб.-фин. **vepsä* с закономерным упрощением конца основы, как в *русь* < **rōtsi*, *ямь* < **häme* и под.), что не совсем оправданно: ясно, что выводить готское слово IV в. из древнерусского языка нельзя, и следует как-то объяснить появление такой формы, чего, насколько мне известно, никто не делал. В частности, это является следствием того, что происхождение старого самоназвания вепсов **vepsä* оставалось также необъясненным. Как было мною показано, этот этноним восходит к саамскому **vɛ̄psē* ‘рыбий плавник’, представлявшему собой перевод на саамский (результат народной этимологии) сканд. *finne* ‘саам’, омонимичного герм. **finne* ‘рыбный плавник’, причем изначально это могло быть самоназванием какой-то южной приладожской группы саамов, ассимилированных прибалтийскими финнами — предками вепсов [Напольских, 2007]. Я предполагаю развитие общесаам. **vɛ̄psē* > южное саам. / ранее вепс. **vɛpś* > гот. *Vas*: гласный второго слога мог быть редуцирован уже в языке-источнике (саамском, как в кильд. *viep̄ş*^{E} ‘рыбный плавник’, или в древневепсском, как в вепс. *βepś* ‘вепс’), а широкий гласный первого слога в **vɛpś* вполне мог быть отражен в готском как **a*. Скорее форму **vɛpś* следует предполагать именно для южносаамских диалектов, чем для прибалтийско-финских: отпадение гласной второго слога в вепсском, по-видимому, — очень позднее явление, и в прибалтийско-финской топонимии Северного Приладожья и Финляндии этноним **vepsä* отражается с гласной второго слога [Valonen, 1980]. Присутствие в IV в. в Юго-Западном Приладожье группы (скорее саамо-, чем финноязычной), называвшей себя данным этнонимом, гораздо более вероятно, чем каких-либо других прибалтийских финнов, которые предполагаются разными авторами под *thiudos* (якобы = *чудь*) [см., например: Мачинский, Кулешов, 2004, *48*]: к этому времени продвижение основного массива носителей северных прибалтийско-финских диалектов с южного побережья Финляндии на восток не могло зайти слишком далеко. В плане сравнения с начальной русской летописью важно и то обстоятельство,

что последняя помещает центр *веси* в Белоозере — территории, весьма отдаленной от *Аунуса*. Следовательно, о цитировании готского (или какого-то общего) источника здесь вряд ли может идти речь.

Второй этноним «Списка» — *in Abroncas Merens* «в Абронках — меров». Локализация *Абронков* остается проблематичной. Догадка Мачинского и Кулешова о том, что здесь может скрываться гидроним на *-Vньга*, приемлема, хотя конкретная этимология **Аброньга* (ср. *Авреньга* в бассейне Ваги, возможно, от приб.-ф.-саам. **apra* ‘дождь, непогода’ [Мачинский, Кулешов, 2004, *53*]; это, видимо, единственное приемлемое этимологическое предположение в данной статье) представляется несколько поспешной. Прежде всего, этот топоним нельзя рассматривать в отрыве от *меров*, и мы вернемся к его анализу ниже.

**Merens* «меров» (с готским суффиксом *Acc. Pl.*, готский прототип, вероятно, **merjans*), очевидно, соотносится с летописным названием *меря* и является первым упоминанием этого этнонима в письменных источниках. Происхождение данного имени связано с самоназванием марийцев (*mari*, *marij*, *mare*, марГ *marə̑*) и восходит к арийскому (иранскому?) **marya-* ‘юноша, член молодежного воинского союза’ (тюркское название марийцев, отраженное в рус. *черемисы* < тюрк. **čer* ‘войско’, известное с X в., является, возможно, калькой иранского этимона самоназвания марийцев). В мерянском языке следует предполагать либо иранский источник с передней огласовкой типа ср.-перс. *mērag* ‘юноша, супруг’, либо палатализацию корневого гласного **marya-* > **märi*, откуда рус. *меря* и гот. **merj-*. Сомнения в общем происхождении названий марийцев и мери сегодня, после обобщающих работ А. К. Матвеева по реконструкции мерянского языка и исторического ареала, можно оставить. Особенно показателен параллелизм в образовании ойконимов с использованием этого самоназвания в мерянской (типа *Локсомерь* — что позволяет реконструировать мерянскую форму **märi*) и марийской (*Кукмарь*, *Лумарь* и др.) топонимической традиции [Матвеев, 2015, *43–45*]. Естественно, это не означает тождества обоих народов и их языков, скорее следует предполагать связь их происхождения с реконструируемым по данным топонимики ареально-генетическим диалектным континуумом от прамарийцев на востоке (бассейн Ветлуги и низовья Суры), через язык топонимов на *-вязь*/*-ваз* в бассейне Унжи («парамарийский»), язык гидронимов на *-VнгVрь* на территории костромского левобережья Волги (восточномерянский / костромской мерянский) и в бассейне Клязьмы (муромской — см. ниже) — и до языка топонимии исторических мерянских земель (западномерянский / ростовско-мерянский) на западе [Смирнов, 2015а]. Труды А. К. Матвеева и О. В. Смирнова позволяют — видимо, впервые — наполнить этнолингвистическим содержанием и древнерусский этникон *мурома*: в бассейне нижней Клязьмы, там, где можно локализовать *муромy*, фиксируется особый, отличный от собственно мерянского, ареал субстратной гидронимии, для языка которой реконструируется сужение и лабиализация корневых гласных (лимнонимы на **-юхр-* ~ мер. **-яхр-* < **jäwre* ‘озеро’ и гидронимы

на *-*ух*; здесь же — гидронимы на -*VнгVрь*, отсутствующие на территории ростовской мери) [Матвеев, 2015, *81–82*, *92–93*; Смирнов, 2015а, *10–15*]. В связи с этим можно предположить этимологию для *муромы*, основа которой, **murз*-, может рассматриваться как результат закономерной лабиализации корневого гласного в общем самоназвании мери и марийцев **mari* (-*ma* может быть как суффиксом, так и отражением муромского **mā* ~ фин. *maa* < ф.-у. **maγe* ‘земля’).

Если *меры* «Списка» сопоставимы с мерей (ростовской или костромской), то логично предполагать, что под *Абронками* имеется в виду регион, где двигавшиеся от Балтики через Приладожье на Волгу и оставившие легший в основу «Списка» итинерарий готы должны были впервые столкнуться с носителями этого самоназвания. Судя по ареалу мерянской топонимии, представленному на картах в [Матвеев, 2015, *261 et passim*], таким местом могло быть нижнее течение Мологи и Шексны, район северной излучины Волги, находящийся сегодня под водами Рыбинского водохранилища. Именно здесь, в северном Пошехонье, на левом берегу нижней Шексны, находилась, согласно русским документам XVI в., белозерская волость *Арбужевесь* [Носов, 1969, *466–469*]. Соответствующий топоним (**Арбуж*), скорее всего, принадлежит ареалу мерянских названий на -*буж*/-*бож* [Матвеев, 2015, *277*], и поэтому он вряд ли связан с более северными названиями, образованными от основы, отраженной в вепс. *arboi* (> рус. *арбуй*) ‘жрец’, типа озеро *Арболампи* в бассейне реки Семча в Карелии [вопреки Шилов, 2003]. Интересно также приводимое А. Л. Шиловым [Там же] параллельное название реки *Арбеж* в левобережье нижней Сухоны (тем более не связанное, как полагал автор, с *арбуй*) — почти в пределах устьянского очага субстратной мерянской топонимии на Русском Севере [Матвеев, 2006, *145 et passim*][1]. Возможно, гот. *Abronca*- отражает испорченный мерянский прототип **Arbož* с каким-то суффиксом (например, *Gen*. типа **Arbožeŋ*)? Естественно, эта идентификация гот. *Abronca*- является весьма гипотетической, и я предлагаю ее только потому, что она хорошо вписывается в географию и логику «Списка», хотя вообще-то вполне можно ограничиться предположением, что перед нами какой-то неизвестный мерянский топоним, — следует считаться с тем, что значительная часть мерянской топонимии должна была исчезнуть бесследно.

Третий интересующий нас этникон, *Mordens in Miscaris* «мордов в Мискарах», завершает аллитерированную часть «Списка» с характерной для подобных перечислений в германском стихе инверсией в последней строке (***in A**u**nx**is Vas, **in A**bro**nca**s **Mer**ens, **Mor**dens **in M**is**ca**ris*). Последующие онимы «Списка» не содержат явных аллитераций, что объясняется, видимо, его порчей при передаче Иорданом или, скорее, еще Кассиодором. Несмотря на кажущуюся очевидность этого этникона, именно его понимание представляет собой наиболее сложную проблему среди рассматриваемых в статье.

[1] Благодарю О. В. Смирнова за ценное обсуждение этой темы.

Mordens (видимо, от гот. **mordjans* с суффиксом *Acc. Pl.*) содержит ту же основу, что и *мордва* — русское название мокшан и эрзян, которое, как принято считать, образовано с помощью собирательного русского суффикса *-ва*, и эти названия восходят к какому-то иранскому деривату арийск. **marta-* (> др.-инд. *márta-*, авест. *marəta-*) ‘человек’ (вриддхи от **mr̥ta-* ‘смерть’, т. е. *‘смертный’), скорее всего — довольно позднему, близкому к перс. *mard* [Фасмер, 2, *653*]. Чисто историографический интерес представляет этимология В. Томашека от иран. **mard* ‘человек’ + **χwa(r)-* ‘есть’ = ‘людоед’ — в связи с *андрофагами* Геродота [Tomaschek, 1889, *9–10*, *13–14*], искусственность которой была ясна уже в XIX в. [Браун, 1899, *83–84*]: наличие бессуффиксной основы в «Списке» и у Константина Багрянородного (см. ниже) — сильнейший аргумент против этого построения. Еще меньшего внимания заслуживает версия Т. фон Гринбергера: *мордва* — якобы от гот. **maurdwja* — нигде не зафиксированного варианта *maurþrja* ‘убийца’, образованного по аналогии с *waurstwja* ‘работник’ < *waurstw* ‘работа’ (последовательность *Merens Mordens* фон Гринбергер объяснял как гот. **merjans maurþrjans* ‘славных разбойников’ и древнерусские названия *мери* и *мордвы* выводил из готского) [Grienberger, 1895, *168–171*]. Несмотря на многие высказанные фон Гринбергером очень полезные в плане понимания «Списка» идеи, его конкретные интерпретации имен «Списка» являют собой пример изощренной этимологической эквилибристики, сопряженной с абсолютно волюнтаристской перекройкой текста и никакого отношения к реальности не имеющей.

Это же арийское слово было заимствовано в финно-угорские языки (коми *mort*, удм. *murt* ‘человек’, мокш., эрз. *ḿiŕďe* ‘муж, мужчина’), но здесь источником заимствования, опираясь прежде всего на вокализм мордовских слов, принято считать очень раннюю (до перехода **e* > **a*) арийскую форму **merta-* — в отличие от фин. *marras* (*marta-*) ‘умирающий, умерший’, которое предполагает источник типа арийск. **marta-* [Joki, 1973, *280–281*; Rédei, 1986, *52–53*; Katz, 2003, *123*]. Я не склонен разделять уверенность финно-угроведов в глубокой древности пермско-мордовского **mVrtз*, поскольку для реконструкции вокализма пермские данные здесь иррелевантны, а для палатализации (сначала — инлаутного кластера, а за ним и гласного первого слога) в мордовских вполне достаточным может быть предположение о праформе типа **marti*, которая реально представлена в поздних арийских языках: др.-инд. *martya-* ‘смертный, человек’, ягноб. *mórtĭ* ‘человек, мужчина’ ~ согд. *mrty* (+*marti*) [Андреев, Пещерева, 1957, *287*; KEWAI, 2, *594*] (о возможном отношении пермско-мордовского **mVrtз* к гот. *mordj-* см. ниже).

Для нашего исследования важно, что гот. **mordj-* и др.-рус. *морд(ва)* с корневым *о* могут быть выведены никак не из общеморд. *ḿiŕďe* с передним вокализмом, а разве что из очень древней, домордовской, формы, что, видимо, было бы анахронизмом. Кроме того, решающим аргументом в пользу отсутствия какой-либо прямой связи между морд. *ḿiŕďe* и гот. **mordj-* ~ др.-рус. *морд-* является семантика: в мордовских языках это слово означает сугубо ‘муж, мужчина’, нигде

не зафиксировано его использование даже в значении ‘человек’, и уж тем более нет оснований думать, что оно могло когда-то быть самоназванием мокшан, эрзян или этнонимом вообще. Здесь, правда, возможен контраргумент: а что если *морд(ва)* — все-таки из *ḿiŕďe* (абстрагируясь от фонетических и хронологических трудностей), а семантически это объясняется тем, что оно калькирует значение ‘муж, мужчина’, реконструируемое для самоназвания эрзян, *eŕźa*, которое иногда выводят из иран. **aršan* ‘самец, мужчина’? Проблема, однако, в том, что последняя этимология «упирается в непреодолимые фонетические трудности» [Désci, 1965, *232*] и, видимо, поэтому не вошла ни в один компендиум иранских заимствований в финно-угорских языках. Я бы предложил для эрз. *eŕźa* гораздо более надежную и в фонетическом, и в семантическом смысле этимологию из позднего аланского: осет. (фольк.) *ærzæ* ‘несметное множество’ < **azᵊra* ‘тысяча’ (откуда венг. *ezer* ‘то же’) < иран. **hazahra-* [Абаев, 1, *186–187*].

Итак, встречающееся иногда мнение о том, что морд. *ḿiŕďe* могло быть древним общим самоназванием предков мокшан и эрзян, откуда якобы и русское их имя *морд(ва)*, ни на чем не основано и ставит проблему с ног на голову: задачей исследования является не выдумывать несуществующие общемордовские эндоэтнонимы, а объяснить, почему по-русски одним словом называются два разных народа, говорящие на разных языках, имеющие разные самоназвания и, вероятнее всего, никогда себя единым именем не называвшие. Предварительно замечу, что подобная ситуация ожидаема прежде всего в случае, когда речь идет изначально не о народе, а о населении определенной территории или определенного социально-политического статуса — безотносительно этнической или языковой его аффилиации (как, например, в рус. *индейцы* и *индийцы*, *остяки*, фольк. *чудь* и др.).

Вероятно, второй раз после Иордана этникон **mord-* упоминается в X в. у Константина Багрянородного (Const. De admin. 37), причем в очень любопытном контексте: «Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии (Μορδία) — на десять дней, от Росии — на один день, от Туркии — на четыре дня, от Булгарии — на полдня». *Мордия* здесь находится в ряду вполне определенных реперов, с помощью которых локализуется район обитания печенегов, речь идет ни в коем случае не о какой-то дикой глухой области, а о хорошо известной византийцам стране, хотя и самой отдаленной от печенежских кочевий. Такая страна, если она находилась в северных лесах, должна была по крайней мере прилежать к какому-то известному пути, скорее всего — речному. Данное предположение согласуется с движением готского итинерария, лежащего в основе «Списка», вниз по Волге: *Мордия*, как и страна «мордов в Мискарах», могла находиться на ее берегах. В пользу этого же предположения — и последовательность «реперов» Константина: *Хазария* и *Узия* — Нижняя Волга, *Алания* — Кубань, *Росия* — Поднепровье, *Туркия* (Венгрия) — Карпаты, *Булгария* — Нижний Дунай. *Мордия* попадает в промежуток

между Доном и Кубанью и отстоит достаточно далеко, что вполне позволяет говорить о тех же районах в Среднем Поволжье, которые рассматриваются ниже.

Следовательно, важнейшее значение приобретает локализация топонима *Miscar-*, где помещаются *морды* Иордана. *Мискар*, безусловно, следует связывать с др.-рус. *Мещера*. Впервые, видимо, это показано в [Mikkola, 1915, *60–62*] и — независимо — в [Stender-Petersen, 1927, *162*], до этих работ *Imniscaris* (< **in Miscaris*) и другие, вовсе испорченные, варианты из рукописей «Гетики» было принято связывать со старым русским названием марийцев *черемисы* (с легкой руки Й. К. Цейса [Zeuß, 1837, *688*], безграмотная аргументация которого была, к сожалению, некритически воспринята К. Мюлленхофом, автором комментария к классическому изданию «Гетики» Т. Моммзена [Mommsen, 1882, *160–166*; Müllenhof, 2, *74–76*]). *Черемисы* здесь, конечно, ни при чем: во-первых, в «Списке» восстанавливается, безусловно, *Imniscaris* [Mommsen, 1882, *88*; Giunta, Grillone, 1991, *52*], а не какая-либо другая форма, которую можно было бы хоть как-то связать с *черемисами*; во-вторых, название *черемис* имеет тюркское происхождение (см. выше), что для Среднего Поволжья середины IV в. было бы странным анахронизмом.

Древнерусское *Мещера*, и тем более *Miscar-* «Списка», не связаны с воспетым К. Г. Паустовским Мещерским краем в левобережье Оки и его очень гипотетическим древним финно-угорским населением — это, видимо, результат достаточно позднего переноса названия. Исторически *Мещерой* в русских источниках вплоть до XIX в. именовалась территория в правобережье Оки, между нею и Сурой, прежде всего в бассейне нижней Цны и Мокши, на стыке Рязанской (Кадомский район) и Пензенской (Земетчинский район) областей [Яковлева, 1999, *40–43*]. Там же (города Касимов, Кадом, Шацк, Темников) следует помещать и *Мещерские волости* XV–XVI вв., область Касимовского ханства, где сформировалась группа татар, назвавших себя по этой территории *мишарями* (тат. *мишәр* < *Мещера*) [Исхаков, 1998, *183 et passim*]. Следовательно, *Mordens in Miscaris* локализуются в районах позднейшего расселения мокши и эрзи, где предки этих народов обитали как минимум с середины I тыс. н. э. [Козлов, 1960; Вихляев, 2013]. Таким образом, рус. *морд(ва)* и гот. **mordj-* применяются изначально к населению одной и той же территории (либо сразу к предкам мокши и эрзи, либо к какому-то населению, которое затем было здесь заменено мокшей и эрзей, благодаря чему на них был перенесен этот этноним). Остается понять, почему к этому населению не позднее середины IV в. н. э. готами, а затем (через готское посредство?) византийцами и русскими, применяется иранское название ‘человек, мужчина’. Прежде всего, вопрос состоит в том, как объяснить использование в качестве ***экзо***этнонима слова со значением ‘смертный, человек, мужчина’ без определения? Речь ведь идет о сложных обществах железного века / раннего Средневековья, а не об изолированных первобытных племенах, для которых подобное обозначение типично — но и то только в ***само***названиях! Если же это было самоназванием

какой-то группы, то второй вопрос состоит в том, каков был механизм переноса этого имени на предков мокши и эрзи, у которых такого самоназвания нет?

Основа **mort* используется в самоназваниях пермских народов: *komi mort* (< ?*‘камский человек’) и *udmurt* (< иран. **anta-marta* ‘человек окраины’) [Напольских, Белых, 1994; Напольских, 2015, *96–98*]. Возможность былого проникновения каких-то пермских групп в правобережье Волги теоретически исключать, конечно, нельзя, но для подтверждения такого предположения нужны хоть какие-то реальные аргументы. Естественно, такими аргументами не могут быть дилетантские фантазии на тему пермской принадлежности языка *мещеры* (правда, *мещера* эта помещается автором этих фантазий как раз там, где ее не было, — на территории Мещерской низменности) [Rahkonen, 2009; 2014] — они настолько беспомощны, что не требуют детальной критики, общую оценку см. в [Смирнов, 2015б; Напольских, 2015, *36*].

Гораздо интереснее данные археологии: в культуре создателей памятников андреевско-писеральского типа низовьев Суры I–III вв. н. э. исследователи [Гришаков, Зубов, 2009; Зубов, 2011] видят следы влияния прикамского населения — прародина пермян в любом случае должна была находиться в Прикамье, скорее — в Среднем, пермско-сарапульском [Белых, 2009]. Могильники андреевско-писеральской группы оставлены конными воинами-степняками с курганным обрядом захоронения, по всей вероятности, представлявшими собой небольшой военный союз и, возможно, участвовавшими и в войнах с Империей на юге. По образу жизни они были похожи на сарматов, но, судя по особенностям культуры, к кругу сарматских племен не принадлежали. Отмечаемые разными исследователями следы участия в их генезисе местного городецкого населения, по-видимому, нельзя отрицать, но это, во-первых, естественно, во-вторых, не городецкое влияние определяет специфику культуры андреевско-писеральских групп. По оружию, некоторым типам украшений и другим признакам андреевско-писеральские памятники обнаруживают явные признаки связи с прикамской пьяноборской культурой. При этом в материале отсутствуют важнейшие, наиболее характерные (называемые в археологической литературе странным термином *этнодиагносцирующие*) типы вещей пьяноборской культуры (эполетообразные пряжки-застежки, круглодонная керамика с примесью раковины и т. п.), что следует интерпретировать как сильнейший аргумент против пьяноборского происхождения этих памятников [Гришаков, Зубов, 2009, *84–86*; Зубов, 2011, *107–109*]. Конечно, для распространения этнонима типа перм. **mort* могло быть достаточным простое участие какой-то прикамской группы в генезисе андреевско-писеральского населения, без культурного доминирования. Проблема, однако, состоит еще и в том, что слово **mort* и в пермских языках не употребляется в качестве этнонима без определения (*коми-морт*, *уд-мурт* — см. выше). Исключать возможность того, что у какой-то **пара**пермской группы из Нижнего Прикамья (а среди создателей пьяноборской культуры скорее следует видеть именно парапермян, а не прямых

языковых предков коми и удмуртов [см. в особенности: Белых, 2018]) такой этноним мог существовать, конечно, нельзя, но доказательств этого у нас нет.

Поэтому особое значение приобретает второе направление культурных связей андреевско-писеральских групп, зауральско-западносибирское. В работах последнего времени получает все более серьезное обоснование высказанная, видимо, впервые в [Халиков, 1987] гипотеза о том, что генезис этих памятников связан с дальней миграцией воинских групп из степных и лесостепных районов Западной Сибири (саргатская археологическая культура), впитавших в Нижнем Прикамье местный пьяноборский субстрат [Гришаков, Зубов, 2009, *86–87*; Зубов, 2011, *109–112*]. Аргументация сторонников этой гипотезы достаточно убедительна, чего не скажешь о странной интерпретации «этнической» (в принятой в археологических работах терминологии, на самом деле речь может идти, конечно, только о языковой [Напольских, 2016]) принадлежности: по их мнению, речь идет о «военных отрядах угров» [Гришаков, Зубов, 2009, *94*; Зубов, 2011, *118*]. Это парадоксальное предположение не имеет никаких подтверждений ни в полном отсутствии следов угорского влияния в топонимике или лексике языков Поволжья, ни даже в принятой в археологии интерпретации этноязыковой принадлежности саргатской культуры, которая рассматривается как смешанная иранско-угорская, но все-таки с преобладанием иранского степного компонента, причем в составе участвовавших в ее генезисе компонентов присутствовали различные иранские группы Южного Зауралья и Казахстана, вплоть до саков [Матвеева, 1994, *144*]. Вероятно, следует ожидать публикации результатов проводящихся сегодня новосибирскими коллегами исследований генома носителей саргатской культуры и его связей с геномами других древних групп для уточнения связей этого населения в иранском мире. Что же касается «угров», то, не отрицая возможного участия угроязычных групп, носителей общеугорского самоназвания **mańćз*, в составе саргатского населения, следует иметь в виду, что для определенной части отечественных археологов это слово стало своего рода романтически-фэнтезийным мемом для обозначения любых, хоть как-то связанных с Западной Сибирью древних групп, языковая принадлежность которых не может быть надежно установлена [см. по этому поводу: Напольских, Голдина, 2013; Напольских, 2015, *182–248*], и подобные аттестации не должны приниматься всерьез.

Таким образом, ведущим компонентом в сложении создателей андреевско-писеральских памятников могли быть ираноязычные группы западносибирско-зауральского происхождения, связанные не с западными сарматами, а с иранским миром юга Сибири, Казахстана и Средней Азии. Возможен ли поиск истоков интересующего нас этнонима **mord-* в этой среде?

Прежде всего: встречается ли подобный этноним (как чистая основа, без дополнений) в иранской среде? Ведь если таких примеров нет, то аргумент, приведенный выше против пермского происхождения, будет в силе и здесь. Однако именно в иранском мире такой этноним обнаруживается: речь идет об имени

народа *мардов* (Μάρδοι / Ἄμαρδοι), живших в горах к югу от Каспийского моря и игравших важную роль в истории Мидии и раннего Персидского царства. Имя это, хотя и происходит от той же основы (арийск. **mr̥ta-* ‘смерть’), объясняется исследователями не как ‘смертный, человек’ (аргумент против возможности подобного архаичного этнонима остается в силе), а как другое производное от того же корня: иран. **marəδa-* ‘убийца’ — марды действительно были известны как воинственные и разбойничьи племена [Дьяконов, 2008, *411*] (интересно, что в осетинском — потомке скифо-сарматских диалектов — слово «убийца» образуется с другим суффиксом: осет. *(a)maræg* ‘убийца’, *lægmaræg* букв. «мужеубийца» (~ скиф. **marak* в имени Οσμαρακος < **os-marak* ‘женоубийца’) при *mard* ‘убитый, мертвец’ [Абаев, 2, *70*]). Хотя в качестве самостоятельного этнонима эта основа без дополнительных определений встречается только в данном случае, имя *марды* в древности было широко распространено и за пределами Ирана, причем, насколько можно судить, везде относилось к ираноязычным племенам, в частности их можно считать одними из предков курдов [Грантовский, 2007, *86*, *425–429*]. Более того, есть основания полагать, что кочевые воинственные племена скотоводов Средней Азии до Бактрии на востоке в ахеменидское время назывались «так же, как у персов и других западных иранцев: *марды* “разбойники”» [Литвинский, Пьянков, 2004, *780*], поскольку были они кочевниками и промышляли разбоем, но «этнически составляли одно целое с ближайшими оседлыми земледельцами» [Там же]. Кроме того, можно полагать, что «другая группа мардов обитала, видимо, по нижнему течению Амударьи» (имеется в виду сарыкамышское устье Амударьи) — судя по данным Помпония Мелы (Pomp. De Chor. III. 5. *33–36*), и «особое место среди мардов занимали *сираки* (*сераки*) “подобные льву” и *сарапары* (*салатеры* у Клавдия Птолемея) “головорезы”. Сираки-сарапары обитали на границе со скифской степью, и не только в Средней Азии, но и западнее. В Средней Азии мы находим их обитающими по Оксу к западу от бактрийцев-зариаспов и в Сиракене (область Серахса)» [Там же].

Есть основания полагать, что имя *мардов* было известно в среднеазиатских степях довольно далеко на севере, вплоть до западносибирской лесостепи. На это указывает заимствование данного этнонима в обско-угорские языки: манс. сев. *mōrtim-mā*, пелым. *mårt-mɔ̄* ~ хант. тром. *mårtį-məγ*, демьян. *mărtə-məγ*, казым. *mɔrtə-mŭw* ‘южная страна с теплым морем, куда на зиму улетают птицы’ (букв. «земля *morti*»), манс. сев. *mōrtim-sām*, *mōrtim-tå̄rėm* ‘юг, южные земли’ (букв. «район / мир *morti*») [Munkácsi, Kálmán, 1986, *315*; DEWOS, *966*]. Очевидно, предки обских угров имели на юге соседями иранские племена мардов, имя которых и было ими заимствовано в форме **morti* (фонетические переходы тривиальны) и было применено для обозначения южных земель, где марды в древности обитали. Данная ситуация прекрасно вписывается в картину возможных взаимоотношений угров и иранцев в последние века до н. э. — первые века н. э. на юге Западной Сибири, в рамках саргатской археологической общности. Таким

образом, среди ираноязычных саргатцев или рядом с ними жили *марды*, носители самоназвания **mard-*. Именно эти племена вполне могли, в особенности если иметь в виду образ жизни античных мардов, составить основу тех воинских объединений, которые в первые века н. э. мигрировали на запад, сформировали основу андреевско-писеральских групп и принесли в Среднее Поволжье самоназвание **mard-*. Судя по адаптации этого этникона в обско-угорских языках, следует предполагать, что его фонетический облик был близок к **mårdi-* — форме, которая идеально подходит на роль источника гот. **mordj-*, греч. и др.-рус. *mord-* (в отличие, например, от перм. **mort*, где требовалось бы объяснить повсеместное озвончение и появление расширения *-j-* в готском).

Итак, название **mordj-* в «Списке» отражает, скорее всего, присутствие в середине IV в. на правобережье Волги, между низовьями Оки и Суры, какой-то иранской группы зауральского происхождения — или, по крайней мере, восходит к самоназванию такой группы (**mårdi-* букв. «убийцы»), которая к этому времени могла и раствориться в местном населении и передать ему это имя (правда, в последнем случае остается загадкой, кому это самоназвание было передано: никакого другого народа, который бы так себя называл, исторически не известно). Появление этого имени в «Списке» применительно к данной территории вполне естественно: если предполагать движение готской экспедиции, оставившей итинерарий, вниз по Волге, то вплоть до устья Оки они должны были иметь дело с мерей (или с близкими к мере по языку группами типа муромы в низовьях Клязьмы), с которой впервые встретились на северной излучине Волги, в районе совр. Рыбинского моря, и именно ниже устья Оки начинается территория, где в топонимии не обнаруживается явных мерянских следов.

Ответить на вопрос, сохранялась ли здесь названная иранская группа со своим языком до IV в., могло бы помочь выяснение этимологии топонима *Miscar-* ~ *Мещера*. Вероятный прототип и готского, и древнерусского слов должен был выглядеть скорее всего как **miskär* (обращает на себя внимание соответствие во втором слоге **e* (в *Мещера*) ~ гот. *a* (*Miscar-*) — как в *весь* ~ *Vas* < **vєpś*).

Единственная предложенная до сих пор этимология — из гипотетического морд. **ḿéškär* (возможно, ‘бортник, пчеловод’) < *ḿekš* ‘пчела’ [Mikkola, 1915, *62*] (имея в виду распространение пчеловодства и бортничества у мордвы и специально — указание «Слова о погибели Русской земли»: «Буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера») — сомнительна, поскольку никак не объясняет суффиксации на *-är*: слова **ḿéškär* в мордовских языках просто нет. Кроме того, по крайней мере в «Списке», за **miskär* стоит не этноним, а топоним.

Если искать этимологию **miskär* в иранских языках, то интересно сравнить с осет. *mæsk’* / *mæsk’æ* ‘овраг; ступица колеса’, которое, впрочем, имеет неясное происхождение: единственная параллель — пехл. *maškar* ‘vagina’ [Абаев, 2, *102*] (вряд ли сюда относится ягноб. *vosk* ‘межа между двумя полями, нижний край

поля, где обычно проходит межа’ [Андреев, Пещерева, 1957, *346*], поскольку **m*-, кажется, должно было в ягнобском сохраниться). Суффикс *-r*, хотя и считается непродуктивным, реконструируется в осетинской ономастике, например *Къуыдар* ‘Кударское ущелье (ущелье реки Стырдон)’ соответствует *Kowdētk‘* армянских источников VII в. Последнее отражает древнее осет. **kuda-ta* с суффиксом мн. ч. *-ta*, что позволяет реконструировать суффиксацию на *-r* в *Къуыдар* («суффикс прилагательных», по мнению исследователей осетинской ономастики) [Цховребова, Дзиццойты, 2013, *408–409*]. Таким образом, гипотетически можно предполагать древнеосетинскую форму **maskar* (фонетически [mäskär]) со значением ‘овражный’[2]. Естественно, эта этимология *ad hoc* ничем не лучше приведенной выше версии Й. Микколы; важно и то, что она опирается на осетинские данные, а язык носителей этнонима **mårdi-* вряд ли принадлежал к скифо-сарматским диалектам.

Может быть, имеет смысл сравнить **miskär* еще с мар. *müškər*, марГ *məškər* ‘живот, утроба, брюхо’. Семантика такого топонима проясняется в свете внешних сравнений: перм. **mu̇šk-* ‘спина, горб’ (особенно для объяснения марийского *-r*: коми (удм.) *mi̯škir*, коми-язьв. *mə̑škə̑r* ‘горбатый, сгорбленный’) [Bereczki, 2013, *156*; UEW, *703*] — а также с учетом значения ‘большая выпуклость (у бревна, у стены; икра ноги)’ в марийских диалектах [Вершинин, 2011, *352*]. Может быть, эта этимология связана с предыдущей иранской и отражает те же упомянутые выше природные особенности района.

Таким образом, определенную этимологию для **miskär* дать невозможно, и нет оснований утверждать, что этноним **mordj-* «Списка» относился к еще сохранявшей иранский язык группе, — равно как и нет оснований отрицать эту возможность. Поскольку, как сказано выше, у нас нет фактов в пользу того, что этноним **mårdi-* / **mordj-* мог быть самоназванием какой-то иной группы, кроме иранских *мардов*, все-таки следует, исходя из принципа бритвы Оккама, думать, что готы в середине IV в. еще застали в правобережье нижегородского Поволжья прямых потомков этих иранцев, сохранявших если не язык, то, по крайней мере, самоназвание. Возможно, именно от готов название **mårdi-* / **mordj-* стало известно в Византии, попало в космографическую традицию и применялось там еще в X в. как обозначение уже не народа, а известной страны на севере. В этой передаче мог сыграть роль и труд Иордана, который был известен в Византии.

---

[2] Для понимания семантики такого наименования см., например, описание Приволжской возвышенности и интересующей нас территории (правый берег Волги между Окой и Сурой): «Восточный склон возвышенности круто обрывается к Волге и полого падает на запад. От Волги на крутой, местами почти отвесный берег забраться очень трудно даже пешему. Для подъема с давних пор выбирались широкие овраги, прорезающие береговой склон, и по ним прокладывались дороги. Такие “взвозы” встречаются почти у каждой деревни, расположенной на правобережье, например “Сюкеевский взвоз”, “Тетюшский взвоз” и пр.» [Бусыгин, 2013, *19*].

Остается проблемой, откуда слово *мордва*, изначально, скорее всего, обозначавшее эрзян и мокшан, населявших к X–XII вв. территорию *Mordens in Miscaris*, попало в древнерусский язык. Специфика этого названия состоит и в том, что других названий на *-ва* в древнерусской этнонимии, кажется, нет (*литъва*, по-видимому, все-таки целиком заимствовано из **Lētuvā* [Fraenkel, 1, *368–369*]), и такая суффиксация свидетельствует о собирательном значении этого имени, называвшего не этническую (племенную) группу, а население определенной территории. С этой точки зрения соблазнительно предположить его источник в византийской литературной традиции (страна Μορδία > население этой страны *мордва*), но этому мешает то, что данное имя появляется в начальной летописи в ряду других местных этнонимов явно не книжного происхождения. Теоретически еще возможно заимствование названия из германской традиции, от варягов: во всяком случае, Германарих был настолько популярен в германском фольклоре, что сказания о нем, по-разному перекликающиеся с рассказом Иордана, присутствуют и в немецкой, и в англосаксонской, и в скандинавской традиции. Этот параллелизм объясняется именно общей фольклорной традицией, а не книжным влиянием, поскольку с сообщением о Германарихе Аммиана Марцеллина (единственного источника сведений об этом правителе, помимо Иордана) в германских сказаниях общего гораздо меньше [см.: Brady, 1943]. Нельзя исключать, что и наш итинерарий, который также мог быть сопряжен с легендой о Германарихе уже в готской традиции, был знаком скандинавам. Однако отсутствие названия **mordj-* в скандинавской географической традиции мешает настаивать на этой возможности. Поэтому пока я не вижу оснований для выбора между «византийской» и «варяжской» версиями происхождения др.-рус. *мордва* — но при этом считаю, что именно в рамках такой альтернативы должен решаться вопрос о проникновении в древнерусскую этническую номенклатуру заимствованного в IV в. готами иранского в конечном итоге этнонима **mårdi-* и о переносе его на население окско-сурского междуречья и позднее — на эрзян и мокшан.

В связи с изложенными здесь соображениями хотелось бы сказать, что проблема формирования эрзи и мокши, времени, когда эти народы стали основным населением окско-сурского междуречья, путей и факторов, приведших к этому результату, остается во многом далекой от решения. Во всяком случае, их историю нельзя рассматривать, как это нередко делают, в виде непрерывной преемственности от создателей местных вариантов городецкой культуры (см. историю археологических дискуссий о сложении предковых археологических культур мокши и эрзи в [Ставицкий, 2009]). Следует учитывать, по крайней мере, важнейшие следы западных связей мордовских языков (безусловно бóльшую близость их к прибалтийско-финским, нежели к марийско-мерянским или пермским, наличие пласта ярких восточнобалтских заимствований и т. д.) и существенные различия в традиционной культуре и антропологическом типе мокши и эрзи, которые трудно объяснить поздними влияниями.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале статьи, следует, видимо, сделать вывод о том, что сведения об этнической карте лесной зоны Восточной Европы IV в. в «Гетике» Иордана и X–XII вв. в русской начальной летописи имеют между собой очень мало общего, не могут быть выведены друг из друга ни напрямую, ни через какое-либо посредство и должны рассматриваться как самостоятельные источники, демонстрирующие, в частности, изменения в этническом и языковом составе населения данного региона, произошедшие в течение второй половины I тыс. н. э.

Источники

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958–1989.

Андреев М. С., *Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957.

Вершинин В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии (полного типа). Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2011.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем., доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб. : Терра : Азбука, 1996.

Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz / Hrsg. von Klára Agyagási und Eberhard Winkler // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 86. Wiesbaden : Wiesbaden Harrassowitz in Kommission, 2013.

Brady C. The legends of Ermanaric. Berkeley ; Los Angeles : California Press, 1943.

DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Bd. 1–15. Berlin : [s. n.], 1956–1993.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg ; Göttingen : Carl Winter, 1962–1965.

KEWAI — *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1–4. Heidelberg : Winter Verlag, 1956–1980.

Mommsen Th. Iordanis Romana et Getica // Monumenta Germaniae historica. T. 5. P. 1. Berlin : Weidmann, 1882.

Munkácsi B., *Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986.

UEW — Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3 / Hrsg. von K. Rédei. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

Исследования

Белых С. К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск : ИСК УдГУ, 2009.

Белых С. К. Парапермяне на Вятке // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «История и филология». 2018. В печати.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. Т. 1 : Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1899.

Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Сер. «Научные труды ученых Казанской этнографической школы». Вып. 1 / сост. В. И. Яковлев. Казань : КГК, 2013.

Вихляев В. И. Расселение мордвы в III — начале XIII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 162–170.

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М. : Вост. лит., 2007.

Гришаков В. В., *Зубов С. Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. 2-е изд., доп. / ред. С. Р. Тохтасьев, В. А. Якобсон. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2008.

Зубов С. Э. Воинские миграции в Среднем Поволжье (I–III вв. н. э.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publ., 2011.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань : Мастер Лайн, 1998.

Козлов В. И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа : труды мордовской этнографической экспедиции. М. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–62.

Литвинский Б. А., *Пьянков И. В.* Средняя Азия в Ахеменидское время // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А. В. Седова. М. : Вост. лит., 2004. С. 698–814.

Матвеев А. К. Ономатология. М. : Наука, 2006.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994.

Мачинский Д. А., *Кулешов В. С.* Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–23 декабря 2003 г.) / науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб. : Нестор-История, 2004. С. 26–72.

Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопр. ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.

Напольских В. В. «Список народов Германариха» — готский итинерарий IV в. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012а. Ч. 2. С. 207–209.

Напольских В. В. «Список народов Германариха» — готский путь от Ладоги до Кубани // Урал. ист. вестн. 2012б. № 2 (35). С. 20–30.

Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань : Казан. недвижимость, 2015.

Напольских В. В. «Этнические интерпретации» в археологии как терминологический кунстштюк // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Урал. археол. совещание : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 25–29 октября 2016 г.) / гл. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск : [б. и.], 2016. С. 384–386.

Напольских В. В., *Белых С. К.* Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // Linguistica Uralica. 1993. Т. 30. № 4. P. 278–288.

Напольских В. В., *Голдина Р. Д.* «Угорская эпоха в истории народов Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии (XIX Урал. археол. совещание : материалы Всерос. археол. конф. с междунар. участием) / ред. И. О. Васкул. Сыктывкар : ИЯЛИ КНЦ, 2013. С. 90–93.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. М. : Наука, 1969.

Смирнов О. В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопр. ономастики. 2015а. № 2 (19). С. 7–61.

Смирнов О. В. Научная школа должна жить! // Не просто прожитая жизнь. Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях / сост. и отв. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015б. С. 79–82.

Ставицкий В. В. Основные концепции этногенеза древней мордвы (историографический обзор) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11. № 6. С. 261–266.

Халиков А. Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья (Археология и этнография Марийского края. Вып. 12) / отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола : МНИИЯЛИ, 1987. С. 8–24.

Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии : в 3 т. Т. 1 : Дзауский район. М. : Наука, 2013.

Шилов А. Л. Череповец: к этимологии названия (реализация древневепсской традиции номинации населенных пунктов) [Электронный ресурс] // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003» / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск : Музей-заповедник «Кижи», 2003. URL: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/91.html.

Яковлева В. К проблеме мещеры // Финно-угроведение. 1999. № 4. С. 34–44.

Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. Vol. 1. The ancient literatures of Europe. Cambridge : Univ. Press, 1932.

Désci Gy. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden : [s. n.], 1965.

Giunta Fr., Grillone A. Iordanis *De origine actibusque Getarum*. Roma : Istituto Palazzo Borromini, 1991.

Grienberger Th. Ermanariks Völker // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1895. Bd. 39. S. 154–184.

Joki A. J. Uralier und Indogermanen. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1973.

Katz H. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen / Hrsg. von P. Widmer, A. Widmer und G. Klumpp. Heidelberg : Carl Winter, 2003.

Mikkola J. Die Namen der Völker Hermanarichs // Finnisch-ugrische Forschungen. 1915. Bd. 15 (1–3). S. 56–66.

Müllenhof K. Deutsche Altertumskunde. Bd. 1–5. Berlin : [s. n.], 1870–1908.

Napol'skich V. Ermanarichs *arctoi gentes* (Jordanes «Getica», 116): Versuch einer Interpretation // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2016. Vol. 22 (1). P. 26–54.

Rahkonen P. The linguistic background of the ancient Meshchera tribe and principal areas of settlement // Finnisch-ugrische Forschungen. 2009. Bd. 60. S. 162–202.

Rahkonen P. The western spread of Permic hydronyms // Finnisch-ugrische Forschungen. 2014. Bd. 62. S. 327–375.

Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien : Rohrer, 1986.

Schafarik P. J. Slawische Altertümer. Bd. 1–2. Leipzig : [s. n.], 1843–1844.

Schlözer A. L. Несторъ. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache. T. 1–5. Göttingen : [s. n.], 1802–1809.

Stender-Petersen A. Slawisch-germanische Lehnwortkunde. Eine Studie über die ältesten germanischen Lehnwörter im Slavischen in sprach- und kulturgeschichtlicher Beleuchtung. Göteborg : [s. n.], 1927.

Thomsen V. Ryska rikets grundläggning genom skandinaverna. Stockholm : Samson & Wallin, 1882.

Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig : [s. n.], 1774.

Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien. Wien : Rohrer, 1889.

Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia. Helsinki : [s. n.], 1980.

Zeuß J. K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München : Letner, 1837.

Рукопись поступила в редакцию 05.12.2017

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

авест.	авестийский язык
арийск.	праарийский язык; арийские языки
вепс.	вепсский язык
герм.	прагерманский язык; германские языки
гот.	готский язык
демьян.	демьянкский (южный) диалект хантыйского языка
казым.	казымский (северный) диалект хантыйского языка
кильд.	кильдинский саамский язык
коми-язьв.	коми-язьвинский язык
манс.	мансийский язык
марГ	горное наречие марийского языка
мер.	мерянский язык
общеморд.	общемордовский язык
общесаам.	общесаамский язык
пелым.	пелымский (западный) диалект мансийского языка
перм.	прапермский язык; пермские языки
пехл.	пехлевийский язык
приб.-фин.	(пра)прибалтийско-финский язык; прибалтийско-финские языки
приб.-ф.-саам.	праприбалтийско-финско-саамский язык
саам.	саамский язык
сев.	северное (сосьвинско-сыгвинское) наречие мансийского языка
сканд.	древнескандинавский язык; скандинавские языки
скиф.	скифский язык
согд.	согдийский язык
ср.-перс.	среднеперсидский язык
тром.	тромъюганский (восточный) диалект хантыйского языка
тюрк.	пратюркский язык; тюркские языки
ф.-у.	прафинно-угорский язык; финно-угорские языки
эрз.	эрзянский язык
ягноб.	ягнобский язык

***

Напольских Владимир Владимирович
доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН,
профессор кафедры культурологии
Института социальных коммуникаций
Удмуртского государственного
университета
426036, Ижевск, ул. Университетская, 1;
научный сотрудник
Института археологии им. А. Х. Халикова
АН Республики Татарстан
420012, Казань, ул. Бутлерова, 30;
заведующий лабораторией
Казанского (Приволжского) федерального
университета
420000, Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: vovia@udm.ru

Napolskikh, Vladimir Vladimirovich
DrHab, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences
Professor, Department of Cultural Studies,
Institute of Social Communications
Udmurt State University
1, Universitetskaya str., 426036 Izhevsk,
Russia;
Research Fellow
A. Khalikov Institute of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan
30, Butlerov str., 420012 Kazan, Russia;
Head of Laboratory
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya str., 420000 Kazan, Russia
E-mail: vovia@udm.ru

Vladimir V. Napolskikh
Udmurt State University
Kazan (Volga Region) Federal University
A. Khalikov Institute of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Izhevsk — Kazan, Russia

ETHNO-LINGUISTIC SITUATION IN THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE IN THE FIRST CENTURIES AD AND THE DATA OF JORDANES' *GETICA*

The comparative analysis of folk-names lists from the Jordanes' *Getica* 116 ("Hermanaric's arctoi gentes" in author's reconstruction, information comes from the middle 4th century AD) and early Russian chronicles points towards the independent character of both sources showcasing dynamic changes in the ethnic and linguistic map of Eastern Europe between the 4th and the 10–11th centuries. The first three names of the Hermanaric's list are addressed further. *In Aunxis Vas* must have been the predecessors of Vepsians, who lived on the south-eastern Ladoga lake shores and probably spoke a southern Lappish dialect. *In Abroncas Merens* are considered to have been the northernmost Merya groups along the northern bend of Volga (on the territories nowadays covered by the Rybinsk sea waters). *Mordens in Miscaris* are rather unlikely the direct ancestors of Mordvinians (Moksha and Erzya), but an Iranian-speaking group of Trans-Uralian origin, which had brought the Iranian name **mordi* 'murderers' to the middle Volga in the 2nd–3rd centuries AD. In the 4th century they lingered on as Iranian speaking or, although already assimilated by the local population, still kept their name. The land *Miscar-* must be identified with the Russian *Meshchera*, which was not what is known today as the Meshchera depression on the left bank of the Oka river, but the region between the lower Oka and the lower Sura rivers. Several problems of substrate toponymy of the upper and middle Volga region, including possible etymologies of the studied names, are also discussed.

K e y w o r d s: Ethnic history, onomastics, archaeology, Volga region, early Middle Ages, Jordanes' "Getica", Vepsians, Merya, Mari, Muroma, Meshchera, Mordva, Moksha, Erzya.

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation (project number 16-18-02007 "Historical and Linguistic Mapping of the Udmurt Language Area").

Belykh, S. K. (2009). *Problema raspada prapermskoi etnoiazykovoi obshchnosti* [The Problem of Dissolution of the Proto-Permic Linguistic Unity]. Izhevsk: ISK UdGU.

Belykh, S. K. (2018). Parapermiane na Viatke [Para-Permians in the Vyatka Region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia "Istoriia i filologiia"* (in press).

Braun, F. (1899). *Razyskaniia v oblasti goto-slavianskikh otnoshenii. T. 1. Goty i ikh sosedi do V veka. Pervyi period: goty na Visle* [Research in the Field of Goth-Slavic Relations: Goths and Their Neighbours Before the 5th Century AD]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.

Busygin, E. P. (2013). *Russkoe naselenie Srednego Povolzh'ia: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (seredina XIX — nachalo XX v.)* [The Russian Population of the Middle Volga Basin (Povolzhye): A Historical-Ethnographic Study]. Kazan: KGK.

Chadwick, H. M., & Chadwick, N. K. (1932). *The Growth of Literature* (Vol. 1). Cambridge: University Press.

Désci, Gy. (1965). *Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Wiesbaden: [s.n.].

Dyakonov, I. M. (2008). *Istoriia Midii ot drevneishikh vremen do kontsa IV v. do n. e.* [History of Media from the Earliest Times to the Late 4th Century B.C.] (2nd ed.). Saint Petersburg: Filol. fak. SPbGU.

Giunta, Fr., & Grillone, A. (1991). *Iordanis De origine actibusque Getarum* [Jordanes' The Origin and Deeds of the Goths]. Roma: Istituto Palazzo Borromini.

Grantovskii, E. A. (2007). *Ranniaia istoriia iranskikh plemen Perednei Azii* [The Early History of the Iranian Tribes of Western Asia] (2nd ed.). Moscow: Vost. lit.

Grienberger, Th. (1895). Ermanariks Völker. In J. Heinzle (Ed.), *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur, 39,* 154–184.

Grishakov, V. V., & Zubov, S. E. (2009). *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy* [Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe]. Kazan: In-t istorii AN RT.

Iskhakov, D. M. (1998). *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnopoliticheskii vzgliad na istoriiu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)* [From the Medieval Tatars to the Tatars of the New Time (An Ethnographic Perspective on the History of 15th–17th Century Tatars of the Volga–Urals Region]. Kazan: Master Lain.

Joki, A. J. (1973). *Uralier und Indogermanen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.

Katz, H. (2003). *Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen*. Heidelberg: Carl Winter.

Khalikov, A. Kh. (1987). Pamiatniki piseral'sko-andreevskogo tipa v Volzhskom pravoberezh'e i ikh etnokul'turnaia interpretatsiia [Monuments of Piseralsk-Andreevo Type in the Western Volga Region and their Ethnocultural Interpretation]. In G. A. Arkhipov (Ed.), *Drevnosti Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia* [Antiquities of the Volga and Vyatka Interflives Area] (pp. 8–24). Yoshkar-Ola: MNIIIaLI.

Kozlov, V. I. (1960). Rasselenie mordvy (istoricheskii ocherk) [Mordovian Settlements (A Historical Overview)]. In *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda : trudy mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii* [Issues of Ethnic History of the Mordovian People: Papers of the Mordovian Ethnographic Expedition] (pp. 5–62). Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Litvinsky, B. A., & Pyankov, I. V. (2004). Sredniaia Aziia v Akhemenidskoe vremia [Central Asia of the Achaemenid Period]. In A. V. Sedov (Ed.), *Istoriia Drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovanii do drevnikh imperii* [History of the Ancient East: From Early State Formations to Ancient Empires] (pp. 698–814). Moscow: Vost. lit.

Machinskii, D. A., & Kuleshov, V. S. (2004). Severnye narody serediny IV — pervoi poloviny VI v. v "Getica" Iordana [Northern Peoples of the mid. 4th–1st half of the 6th Centuries in Jordanes' *Getica*]. In D. A. Machinskii (Ed.), *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Staraia Ladoga, 21–23 dekabria 2003 g.)* [Ladoga and Gleb Lebedev. 8th Readings in the Memory of Anna Machinskaya] (pp. 26–72). Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.

Matveyev, A. K. (2006). *Onomatologiia* [Onomatology]. Moscow: Nauka.

Matveyev, A. K. (2015). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North] (Vol. 4). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Matveyeva, N. P. (1994). *Rannii zheleznyi vek Priishim'ia* [The Early Iron Age of the Ishim Area]. Novosibirsk: Nauka.

Mikkola, J. (1915). Die Namen der Völker Hermanarichs. *Finnisch-ugrische Forschungen, 15*(1–3), 56–66.

Müllenhof, K. (1870–1908). *Deutsche Altertumskunde* (Vols. 1–5). Berlin: [s.n.].

Napolskich, V. (2016). Ermanarichs arctoi gentes (Jordanes' "Getica", 116): Versuch einer Interpretation. In G. Gnoli, & A. Ivantchik (Eds.), *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology, 22*(1), 26–54.

Napolskikh, V. V. (2007). Proiskhozhdenie samonazvaniia vepsov v kontekste etnicheskoi istorii Vostochnoi Pribaltiki [The Origins of the Veps' Self-designation Within the Context of Ethnic History of Eastern Baltic Area]. *Voprosy onomastiki*, *4*, 28–33.

Napolskikh, V. V. (2012a). “Spisok narodov Germanarikha” — gotskii itinerarii IV v. [The Peoples of Hermanaric — a Gothic Itinerarium of the 4th Century]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiia* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (Vol. 2, pp. 207–209). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Napolskikh, V. V. (2012b). “Spisok narodov Germanarikha” — gotskii put’ ot Ladogi do Kubani [The Peoples of Hermanaric: the Goths’ Way from the Lake Ladoga to Kuban]. *Ural’skii istoricheskii vestnik, 2 (35)*, 20–30.

Napolskikh, V. V. (2015). *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Essays in Ethnic History]. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost’.

Napolskikh, V. V. (2016). “Etnicheskie interpretatsii” v arkheologii kak terminologicheskii kunstshtiuk [“Ethnic Interpretations” in Archaeology as a Terminological Kunststück]. In R. D. Goldina (Ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental’nomu nauchnomu znaniiu* [Archaeological Heritage of the Urals: From Original Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge] (pp. 384–386). Izhevsk: [s.n.].

Napolskikh, V. V., & Belykh, S. K. (1993). Etnonim udmurt: ischerpany li al’ternativy? [The Ethnonym Udmurt: Have We Run Out of Altenatives?]. *Linguistica Uralica, 30*(4), 278–288.

Napolskikh, V. V., & Goldina, R. D. (2013). “Ugorskaia epokha v istorii narodov Predural’ia”: nauchnaia gipoteza ili istoriograficheskii kazus? [The Ugric Period in the History of the Cis-Urals Peoples: A Scientific Hypothesis or a Historiographic Anecdote?]. In I. O. Vaskul (Ed.), *Perekhodnye epokhi v arkheologii* [Transitional Stages in Archaeology] (pp. 90–93). Syktyvkar: IIaLI KNTs.

Nosov, N. E. (1969). *Stanovlenie soslovno-predstavitel’nykh uchrezhdenii v Rossii* [Establishment of States-Representative Institutions in Russia]. Moscow: Nauka.

Rahkonen, P. (2009). The Linguistic Background of the Ancient Meshchera Tribe and Principal Areas of Settlement. *Finnisch-ugrische Forschungen, 60*, 162–202.

Rahkonen, P. (2014). The Western Spread of Permic Hydronyms. *Finnisch-ugrische Forschungen, 62*, 327–375.

Rédei, K. (1986). *Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten*. Wien: Rohrer, 1986.

Schafarik, P. J. (1843–1844). *Slawische Altertümer* (Vols. 1–2). Leipzig: [s.n.].

Schlözer, A. L. (1802–1809). *Nestor. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache* (Vols. 1–5). Göttingen: [s. n.].

Shilov, A. L. (2003). Cherepovets: k etimologii nazvaniia (realizatsiia drevne-vepsskoi traditsii nominatsii naselennykh punktov) [Cherepovets: On the Etymology of the Name (the Showcase of Old-Vepsian Place-Naming Patters)]. In T. G. Ivanova (Ed.), *Lokal’nye traditsii v narodnoi kul’ture Russkogo Severa* [Local Traditions in the Folk-Culture of the Russian North]. Petrozavodsk: Muzei-zapovednik «Kizhi». Retrieved from http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/91.html.

Smirnov, O. V. (2015a). “Mariiskaia” gipoteza v issledovanii toponimii Oki i Unzhi i zapadnye granitsy drevnemariiskoi toponimii [The “Mari” Hypothesis in the Study of the Toponymy of the Oka and Unzha Rivers and the Western Borders of the Old Mari Toponymic Area]. *Voprosy onomastiki, 2*(19), 7–61.

Smirnov, O. V. (2015b). Nauchnaia shkola dolzhna zhit’! [The Scientific School Should Live On!]. In T. V. Matveyeva (Ed.), *Ne prosto prozhitaia zhizn’. Biografiia A. K. Matveeva v dokumentakh i vospominaniiakh* [More Than a Life to Live. A. K. Matveyev’s Biography in Documents and Recollections] (pp. 79–82). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Stavitskii, V. V. Osnovnye kontseptsii etnogeneza drevnei mordvy (istoriograficheskii obzor) [Basic Conceptions of the Ancient Mordva Ethnogenesis (a Historiographical Review)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 11*(6), 261–266.

Stender-Petersen, A. (1927). *Slawisch-germanische Lehnwortkunde. Eine Studie über die ältesten germanischen Lehnwörter im Slavischen in sprach und kulturgeschichtlicher Beleuchtung*. Göteborg: [s.n.].

Thomsen, V. (1882). *Ryska rikets grundläggning genom skandinaverna* [The Relations Between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State]. Stockholm: Samson & Wallin.

Thunmann, J. (1774). *Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker*. Leipzig: [s.n.].

Tomaschek, W. (1889). *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien*. Wien: Rohrer, 1889.

Tskhovrebova, Z. D., & Dzitstsoyty, Yu. A. (2013). *Toponimiia Iuzhnoi Osetii* [The Toponymy of Southern Ossetia] (Vol. 1). Moscow: Nauka.

Valonen, N. (1980). *Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia* [Early Contacts Between the Lapps and the Finns]. Helsinki: [s.n.].

Vikhliaev, V. I. (2013). Rasselenie mordvy v III — nachale XIII vv. [Mordovian Settlement in the 3rd–early 8th century]. *Povolzhskaia arkheologiia, 2*(4), 162–170.

Yakovleva, V. (1999). K probleme meshchery [On the Meshchera Problem]. *Finno-ugrovedenie, 4*, 34–44.

Zeuß, J. K. (1837). *Die Deitschen und die Nachbarstämme*. München: Letner.

Zubov, S. E. (2011). *Voinskie migratsii v Srednem Povolzh'e (I–III vv. n. e.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh* [Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries A.D.). Migration Processes and the Formation of a New Ethno-Cultural Environment, Based on Archaeological Data]. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publ., 2011.

Received 5 December 2017